

дуют один за другим в определенной последовательности, границы морфем четко обозначены, на стыках морфем обычно не возникает звуковых изменений. А.М. Камчатнов отмечает, что «для языков этого типа характерны сильно развитое словообразование, словоизменятельная аффиксация, однозначность аффиксов и слабая связь между морфемами, проявляющаяся в отсутствии фонетических изменений на стыке морфем» [2]. К агглютинативным языкам относятся уральские (финно-угорские и самодийские), алтайские языки (тюркские, монгольские), языки банту (подгруппа бенуэ-конголезских языков).

Рассмотрим следующий пример: кирг. *аталарымызда* _у наших отцов_. К имени *ата* _отец_ присоединяется показатель мн. числа *-лар*, затем притяжательный аффикс *-ым*, затем показатель падежа. Все аффиксы однозначны, спайки их в структуре слова не наблюдаются. Ср. также эвенкийское предложение, в котором совмещаются элементы инкорпорации и агглютинации, — *Сукэдэвкенмудээрэн*, в целом это предложение можно перевести так: *Он хочет заставить (кого-то) ударить топором*.

Агглютинативная тенденция характеризуется *гапloseмией* («простозначностью», ср. др.-греч. *haploos* _простой_), закрепленностью каждого формообразовательного аффикса только за одной граммемой и отсюда — нанизыванием аффиксов для выражения сочетания разнородных граммем. Так, в турецк. *dallanla* _на ветках_ постфикс *-Icir-* выражает значение множественного числа, а второй постфикс *-da* значение местного падежа (ср. местн. п.ед. ч. *dalda* _на ветке_, где число выражено нулевым аффиксом, а падеж — тем же постфиксом *-da*, и другие падежи множественного числа, где после *-lar-* стоят иные падежные постфиксы, напримр дат. п. *dullara* _веткам_). Гапloseмичные формообразовательные аффиксы агглютинативных языков обычно не называют «окончаниями».

Турецкий язык — агглютинативный, в нем активно используются аффиксы и суффиксы. Большинство суффиксов обозначает грамматическую функцию слова. Благодаря аффиксации могут создаваться довольно длинные слова. В турецком языке действительно много длинных слов. Вот, например, заголовок газетной статьи: *Bayramlasamadiklarimiz* («Те из нас, кого мы не можем поздравить с байрамом»).

Данная информация поможет студентам определиться с выбором иностранного языка, который они решили выучить. При раскрытии темы выяснилось, что такое направление в языкознании достаточно не изучено. Предлагаются различные теории по агглютинативности. Мы постарались выявить главную тенденцию, которая не подлежит сомнению. Филологам предстоит большая и трудоемкая работа при составлении отдельного сборника агглютинативных языков.

Библиография

1. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. — М.: Издательский центр «Академия», 2005.
2. Камчатнов А.М. Введение в языкознание — М.: Флинта: Наука, 2006.

Бак Е.Л.,
РГППУ, Екатеринбург
студентка 1 курса Института лингвистики

Специфика местоглаголия как дейктического знака

Тезисы посвящены статусу местоглаголия в дейктической системе языка. Исследование опирается на статью Г.В. Федюновой «О статусе местоглаголия в языке». В данной работе на материале языков разных типов рассматриваются явления, так или иначе

связанные с глаголом (предикатом) отношениями замещения и указания: широкозначные глаголы, их комбинации с некоторыми указательными, вопросительными, неопределенными местоимениями, заменяющими в речи ускользнувший из памяти или эллиптированный глагол и др. По мнению автора, эти языковые элементы не являются местоглаголиями, т.е. собственно местоимениями, формирование которых непосредственно связано с использованием дейктических частей.

Местоглаголиями следует считать глаголы, имеющие первичные дейктические корни, вроде эвенкийских ё – «чтоить», зри-н-тэ «этовствовать», тари –н –та –«готовствовать» или севернорусского «тоговотать». Считается, что местоглаголия непосредственно связаны с референциальной функцией языка. Они являются скорее потенциальной, нежели последовательно вербализованной категорией. Формируясь в дискурсе, местоглаголия остаются фактом речи, лишь иногда поднимаясь до уровня языковой системы.

Чаще всего под местоглаголием понимают глаголы с очень общей семантикой процессуальности или экзистенциальности, способные выступать на месте того или иного полнозначного глагола или отдельных семантических групп, следовательно, иметь в некоторой степени функции указания и замещения. Обычно в качестве таковых приводятся глаголы со значениями «делать», «стать», «быть», «происходить» и т.д., например, датский глагол gøre, шведский göra «делать», китайский lái «приходить», русский глагол «стать» в устаревшей конструкции «не – инфинитив – стать», вроде: нам не привыкать стать, не занимать стать, английский глагол to do, используемый для замены смыслового глагола во избежание его повторения в последующем предложении или в кратких ответах на вопрос: Who took the dictionary? – I did. – «Кто взял словарь? – Я (сделал, т.е. взял)»; Does he help you? – Yes, he does. – «Он помогает вам? – Да (делает, т.е. помогает)», болгарский глагол «есть» в утвердительных конструкциях: Купи ли сахар? – Не съм. – «Купил ли ты сахар?» - букв. «не есть» и некоторые другие [1; 89-90].

Нетрудно сделать вывод, что само по себе «местоименное значение» глагола еще не повод говорить о наличии в языке местоглаголия как структурной составляющей дейктической системы. По мнению К. Бюлера, фундаментальным различием между полем указания, в котором функционируют дейктические знаки, и символическим полем назывных слов состоит в том, что первые всегда связаны с ситуацией общения, тогда как назывные слова в большей степени ситуационно независимы. Следовательно, чем больше семантическая реализация слов зависит от ситуации говорения, тем ближе они к разряду дейктических слов. Однако это не значит, что они могут быть включены в число местоимений. Для этого нужен достаточно длительный период «ассимиляции» в строгой иерархически структурированной системе местоимений языка.

Библиография

1. Федонева Г.В. О статусе местоглаголия в языке // Вопросы языкознания». – 2011. – №2.

**Беслемпшева В.П.,
УрГПУ, Екатеринбург**

студентка 5 курса Института иностранных языков

Стилистические приёмы, основанные на семантической оппозиции, и их роль в художественном тексте (на примере произведений Ч. Диккенса)

Противоположность признана многими психологами, философами, лингвистами одним из базовых отношений человеческого мышления, что, как следствие, проявляется и в языке. Антонимия относится к разряду языковых универсалий [2: 35], [3: 191–200]. Антонимия признаётся многими